— [всхлип] Да, это так, Перси. Продолжай.

— Мы собирались оставить так много воспоминаний в этом доме. И мы собирались жить там, пока не станем старыми, седыми и морщинистыми.

Неестественный порыв ветра бросает волосы мне в лицо. Аннабет отбрасывает их в сторону, когда я ощущаю вкус озона на языке.

— Я вернулся. Вот лекарство. — Джейсон выдохнул, явно запыхавшись.

— Дай мне нектар. Нам нужно будет полить им раны. Его желудок слишком разорван, чтобы переварить амброзию. — Объясняет Фрэнк.

Фрэнк льет золотой напиток на мои раны, но сопутствующего ощущения жжения, которое он вызывает, когда сшивает твое тело обратно, не возникает. Похоже, это не заживает…

Что ж, это отстой.

— Ребята! Это не работает

— Нет Зевс, черт возьми! Используйте больше!

— Перси…

— Мы не можем, он сгорит.

— Пожалуйста, только не он.

— У нас нет другого выбора, налей еще!

Мне кажется, они льют на меня еще нектара? Я не могу сказать наверняка, моя грудь уже залита кровью. Онемение в кончиках пальцев рук и ног начинает подниматься вверх, охватывая мои конечности, распространяясь по груди, достигая головы и затуманивая мои мысли. Мои веки тяжелеют с каждой секундой, я не думаю, что смогу долго держать их открытыми. Голоса других снова превращаются в непонятный шум, когда окружающее начинает расплываться и темнеть. Все, на чем я могу сосредоточиться, - это лицо Аннабет.

— Анна… Бет.. Мне жаль.

— Пожалуйста, Перси. Не говори так. Просто побереги свою энергию, — закричала Аннабет

— Этот мир… жестокое место, — отвечаю я, и мои слова заставляют Аннабет плакать еще сильнее. — Но я рад… , что мне удалось… удалось провести с тобой время.

Я моргаю, но обнаруживаю, что не могу снова открыть их. Проходят целые секунды, пока Аннабет выкрикивает мое имя душераздирающим криком. Собрав силы, о которых я и не подозревал, я заставил себя снова открыть глаза.

— Останься с нами, Перси! Пожалуйста! Останься со мной!

— Я… люблю тебя… Мудрая девочка… Я… люблю…

Мое зрение сужается, и я чувствую, как моя душа буквально ускользает. Я пытаюсь сопротивляться, но это уводит меня все дальше от лица Аннабет и глубже в темную бездну. Это сильно отличается от всех тех околосмертных переживаний, с которыми я сталкивался раньше. Боги, должно быть, на этот раз я действительно умираю. Я действительно думал, что ты должен был уйти мирно, но все просто причиняет такую боль. Почему это больно? Это потому, что я изо всех сил пытаюсь остаться в живых? Это потому, что я умираю, полный сожалений? Лицо Аннабет сжимается, пока не превращается в мельчайшее пятнышко вдалеке. Это единственное, что я могу видеть в этом постепенно темнеющем мире. Мой последний свет.

— Перси, пожалуйста, не уходи. Ты обещал, что будешь там. Ты обещал, Перси. Нет… — Пятнышко, которое является землей живых, поглощается тьмой. Затем…

Ничего.

— АААААА!

Я с криком поднимаюсь с земли и хватаюсь за свое бешено колотящееся сердце. Что случилось? Я жив? Успокойся, Перси, с тобой все в порядке. Глубокий вдох. Глубокие вдохи. Подожди, что-то… не так. Я смотрю вниз.

— Мои ноги… они… прозрачные!

Ты меня правильно расслышал. Мое тело полупрозрачное. Стеклянное. Стекловидное. Ты, блядь, можешь видеть каменистую почву прямо сквозь них. Я мертв. Боги, на этот раз я действительно мертв. Это не какой-то сон или очередной опасный визит к моему дяде. Это происходит на самом деле. Я мертв…

Но где я? Я оглядываюсь вокруг, разглядывая мрачный и скалистый пейзаж. Почему я не в студии звукозаписи DOA? Я должен быть в комнате ожидания с другими недавно ушедшими душами. Харон должен быть здесь, стоять за своим столом, сходя с ума от скуки, и жаловаться

на свою зарплату, пока мы ждем, когда наберется достаточно душ, чтобы заполнить его лодку. Похоже, я... в Подземном мире? Как я пропустил поездку Харона? У мертвой души не должно быть возможности попасть в загробную жизнь без руководства психопомпа. Что происходит?

Внимательно оглядев окрестности, я замечаю, что нахожусь на берегу реки Стикс. Воздух на ощупь, вкус и запах затхлый, а в непосредственной близости от меня темно и грязно. Отдаленные крики проклятых, которых наказывают на Поле наказаний, мягким эхом разносятся по ландшафту, пока я наблюдаю, как ядовитые воды Стикса мягко струятся вниз по течению. Река излучает тусклое таинственное свечение, которое выделяет ее в темноте и несколько подсвечивает ее черные песчаные отмели. Река кажется мне неестественно тягучей, и хотя вода едва движется, каждая рябь наполнена огромной силой, на управление которой мои способности к гидрокинезу могут только надеяться. Отвратительная вонь загрязненной реки, наполненной мусором, проникает в мои ноздри, заставляя меня сморщить нос от отвращения

Подождите, кажется, я узнаю, где я! Да, это место действительно выглядит знакомым! Я не вижу огромных черных стен Эребоса, но могу сказать, что нахожусь на стороне, противоположной той, откуда появляется Харон, проводящий души через Стикс. Это, должно быть, означает, что Цербер и главные врата Подземного мира находятся неподалеку. Может быть, мне стоит направиться в ту сторону, чтобы мою душу могли судить? Не похоже, что кто-то придет проводить меня туда. Решив, что мне следует попытаться найти Павильон Правосудия, я встаю, но как раз перед тем, как я делаю свой первый шаг, что-то в Стиксе привлекает мое внимание.

Посреди мутно-коричневой реки плывет картина. Ее рамка размером не более 16 "x 20" и, похоже, сделана из натурального красного дуба. В рамке фотография молодой пары. Они выглядят молодо; возможно, молодожены? У мужчины зеленые глаза, черные как смоль волосы, длинная щетинистая борода, и он на несколько дюймов выше своей жены. Его левая рука обнимает жену, а правой он держит за плечо того, кто выглядит старшим сыном в этой семье.

У жены серые глаза, длинные вьющиеся светлые волосы, загар калифорнийской девушки, и на руках она обнимает двух других детей; мальчика и девочку. Девочка находится в центре семьи, а справа от нее мальчик. Я думаю, что они могут быть близнецами. Мама обнимает этих двоих, притягивая их ближе друг к другу. Их милые раздраженные выражения показывают, что им не нравится близость друг друга. Учитывая особенности трех детей, становится совершенно ясно, что мужчина и женщина являются их биологическими родителями.

На заднем плане фотографии - колизей. Моей первой мыслью было, что они, должно быть, фотографируются перед знаменитым историческим местом в Риме, но потом до меня доходит, что на самом деле это колизей в Новом Риме. Так что это означает, что они должны быть полубогами или наследниками. Прохладный.

Но почему я это вижу?

Кадр слегка поворачивается, когда попадает в речной водоворот и начинает медленно

погружаться в воду. По какой-то причине я не могу оторвать глаз от лиц пары. Женщины… Я знаю ее! Возможно, она постарела на несколько лет, и я никогда раньше не видел, чтобы она так укладывала волосы, но я узнаю эти глаза где угодно. Даже если моя память полностью стерта, я могу сказать, что женщина на картине - Аннабет.

— Я знаю. Грустно это видеть, не так ли?

Я вздрагиваю от женского голоса у себя в ухе и быстро оборачиваюсь, обнаруживая молодую женщину, стоящую прямо позади меня справа. Что? Как долго она там стояла?

Я оцениваю внешность дамы. У нее завораживающие волосы цвета эбенового дерева, которые мягко развеваются на несуществующем ветру, и она одета в эти черные шелковистые одежды, которые развеваются подобно облаку тяжелого вулканического дыма. Ее лицо нежное и возвышенное, с искусно нанесенным макияжем различных полуночных оттенков, а ее обсидианово-черные глаза сверкают абсолютной ненавистью.

Я делаю шаг назад, ошеломленный ощущением убийственного намерения в ее глазах. Но, сообразив, что она не набросилась на меня сразу, я останавливаюсь и смотрю глубже, обнаруживая, что это просто естественное состояние ее глаз. Клянусь, я увидел вспышку печали и жалости глубоко в ее бездонных зрачках, но эти признаки исчезли так же быстро, как и появились.

http://tl.rulate.ru/book/100724/3507836